

Памятенъ мнѣ одинъ случай. Было уже далеко за полдень, я оставался еще на-тощакъ и поднимался по знакомой уже мнѣ лѣстницѣ... ноги мои дрожали, я готовъ былъ упасть на каждой ступенькѣ... потомъ долго стоялъ около двери, не рѣшаясь взять ручку колокольчика. Наконецъ, когда я дернулъ его и звонокъ жалобно задрожалъ, я весь вздрогнулъ, будто сердце оборвалось. „Не хочу!“ дико кричалъ я, и бросился назадъ по лѣстницѣ. На улицѣ мнѣ показалось, что я вырвался отъ какого-то тяжелого кошмара, давящаго меня, и сталъ дышать свободнѣе, хотя въ вискахъ сильно еще стучало. Вопросительно посмотрѣлъ направо и налево: куда идти? „Не все ли равно?“ отвѣчалъ я самъ себѣ и пошелъ бродить по улицамъ. Вдругъ я остановился, схватился за боковой карманъ и обрадовался: „вѣдь у меня часы, золотые часы!“ То былъ остатокъ моей прежней состоятельности. Подумавъ немного, я ускорилъ шаги и отправился къ одному дальнему моему родственнику съ увѣренностью, что онъ не откажетъ мнѣ въ нѣсколькихъ рубляхъ подъ залогъ часовъ; но ошибся. Отвѣтъ его былъ въ своемъ родѣ знаменателенъ. — Видишь, — сказала онъ: — брать отъ тебя залогъ нехорошо, какъ-то совѣстно, а такъ дать не могу. — При этомъ онъ, какъ родственникъ и добрый человѣкъ, счелъ долгомъ дать мнѣ отеческое наставленіе: „Поѣзжай, братъ, домой — это будетъ лучше всего. И отчего ты не хочешь быть такимъ, какъ всѣ? Видишь: всѣ мы живемъ и, слава Богу, жаловаться не можемъ, а тебѣ тарелки съ неба подавай! непременно художникомъ быть — важность какая! Вотъ знаю я одного художника, золотую медаль имѣть — пьяница! Медаль заложилъ, а самъ голодаетъ“.

Къ счастью, я скоро узналъ, что Г. назначилъ мнѣ стипендію: десять рублей ежемѣсячно. Можешь себѣ представить, какъ это было въ-время. Изъ этихъ десяти рублей шесть я отдавалъ за квартиру, рубль шелъ на классные расходы, а на остальное живи какъ знаешь, да еще и слоновую кость купи, и пальмовое дерево, и пр., и пр. Правда, въслѣдствіи мой доходъ увеличился еще на восемь рублей, опять изъ того же источника, но на эти деньги я долженъ былъ нанять учителя французскаго языка. Учитель былъ изъ учениковъ академіи художествъ, и, конечно, у насъ пошло такъ же плохо, какъ первоначально мое рисованье. И вотъ, я кончилъ „Скупого“; онъ щедро вознаграждалъ меня, вовсе не какъ скупой. Я получилъ за него царскую премію въ 29 р. 16 коп. ежемѣсячныхъ, и получилъ совсѣмъ неожиданно. Можешь себѣ представить мой восторгъ! Я ликовалъ тѣмъ болѣе, что за „Скупого“ же получилъ большую се-